Об одном литературном пустоцвете

**Вас прочитал и огорчился:
Зачем я грамоте учился?**

(Старое русское присловье)

До сей поры я уважал, даже любил вашу газету. До поры, пока вы не посвятили целую полосу (в N 44) писателю Виктору Ерофееву, коего вы в своей врезке характеризуете как "адепта "другой" литературы". Грубо говоря, "пост-модернизма".

Что ж, грубо говоря, это правильно. Хотя и не очень. Ведь модернисты — кого возьмем для примера? — Франца Кафку, Марселя Пруста, Жан Поля Сартра, Альбера Камю или Эжена Ионеско? — модернисты, как на подбор, люди ярко талантливые или вовсе гениальные. А вот среди постмодернистов — по крайней мере тех, кто сами себя так именуют, — ни одного по-настоящему яркого таланта, не говоря уже о гениях, даже в бинокль разглядеть невозможно.

Разумеется, я могу ошибаться, но сдается мне, что сравнивать модернистов и постмодернистов — все равно, что Пушкина сравнивать с "Битлзами", как это делает Ерофеев, приравняв русского гения аж к "четырем Битлзам". Ну умир! Если бы Пушкин, пребывая, несомненно, на небесах, мог узнать об этом, он бы, наверно, хотел бы упасть. Ведь подумай только: такая честь для Александра Сергеевича!

Не производит яркого впечатления и В. Ерофеев. Хотя на постмодерниста он мало похож — разве что своей амбициозностью. Скорее его стоит причислить к натуралистам, из числа тех, что "лесом едут — лес поют, полем едут — поле поют". Причем к натуралистам небескорыстным. Он знает, что сейчас модно заполнять страницы прозы сексом и матом — вот он и выдает нагора "Русскую красавицу" или напечатанное вами эссе под удивительно свежим заглавием "Всадник без головы", где иные слова или части слов вам пришлось заменять многоточиями.

Сегодня, в пору торжествующих "дрянных девчонок" и не менее дрянных мальчишек, престижно слыть хулиганом и матерщинником — что ж удивительного, что г-н Ерофеев старается изобразить из себя хулигана и матерщинника (впрочем, маскируемого под глубокого изучателя истинно народной жизни). Завтра престижной и выгодной станет воспевать половые извращения — он, пожалуй, объявит себя извращенцем, а может, создаст и роман на эту модную тему. Послезавтра в моду войдет скотоложство — г-н Ерофеев вряд ли растеряется и в этом случае, возможно, даже создаст роман под рабочим (а то и окончательным) заглавием "Русская скотина"...

В своем интервью он заявляет, что сегодня наша страна "живет совершенно по-блядски", но скромно умалчивает, что именно в сию пору его творения нашли наконец и в России своих издателей. А что если Россия обретет вскоре жизнь человеческого — не даст ли она хорошего пинка под зад своему новоявленному гению?!

Не так давно я оказался в магазине "Книжный мир" на Мясницкой как раз в тот момент, когда магазинный диктор, чуть не охрипнув от усердия, в который уже раз призывал подойти к прилавку, где Ерофеев готов был подписать свою новую книгу, — но читатели с Мясницкой явно не спешили быть осчастливленными живым классиком "другой литературы". Раза два или три приходил я мимо заветного прилавка, и всякий раз классик скучал в гордом одиночестве: подписывать ему было нечего и некому...

А я, грешный, другого не могу понять: в своем интервью, опубликованном у вас, В. Ерофеев сообщает, что в обществе своих литературных друзей (Аксенова, Высоцкого...) прошел "школу ума и чести". Где ж результаты этой школы? Не знаю, как насчет ума, а к чести его "бестселлеры" имеют отношение весьма и весьма отдаленное.

Впрочем, может быть, тут надо внести поправку на "Другую литературу"? Ведь, наверно, в ней ум и честь совсем иначе трактуются, чем в доброй старой литературе Пушкина, Достоевского и Чехова? Скажем, чтобы додуматься предписать "Ядреной Фене" эпиграф из Пастерна-

ка или сравнить Пушкина с "Битлзами", надо быть очень умным, но не в традиционном смысле...

Г-н Ерофеев задумал предприятие грандиозное — "пустить под откос русскую литературу". Устоит, полагаю, русская литература, с коей враждовали в свое время личности и покрупнее В. Ерофеева. Даже если сотня постмодернистов навалится на нее, она легко стряхнет или вычешет их из себя, как докучливых насекомых...

Зря надеется г-н Ерофеев и на то, что русская "культура теряет голову". Разумеется, ему бы очень хотелось, чтобы наша культура сбилась с верного курса и перепутала подлинных классиков с антиклассиками. Потому что как он ни петушится, как ни выпендривается, а в глубине души понимает, наверно, разницу между черным и белым. Но культуру на то и культуру, чтобы не терять голову ни в каких обстоятельствах. Теряют же голову обычно литературные времешники и самозванцы, те, что лишь **выдают** себя за посланцев культуры, а внутренне ощущают свою неполноценность. Понимают, что рано или поздно культура все расставит по своим местам, и ничего хорошего им при этом не светит.

К слову сказать, вы ведь не хуже меня знаете, что в русской литературе есть и другой В. Ерофеев, не чета автору "Русской красавицы". Венедикт Ерофеев. Он, правда, не учился в МГИМО, его не опекал папа — советский посол, у него не ходили в друзьях Аксенов и Высоцкий, за него не хлопотали Воннегут и Агдайт, он не устраивал презентации своих книг (кои, впрочем, и не выходили при его жизни) и не пытался подписывать их в магазине на Мясницкой... Даже, кажется, не дал ни одного интервью. А между тем был писателем по-настоящему крупным. Может быть, **гениальным**. Хотя и небезгрешным в бытовом смысле. И даже не брезгающим матовой лексикой — в том числе в своих печатных текстах.

Но это, пожалуй, и все, что сближает наших однофамильцев. Отличия же между ними — коренного свойства. Венедикт Ерофеев и к своим писаниям, и к самому себе относится с юмором (а юмор, как заметил когда-то известный режиссер и художник Н. Акимов, — "первый признак человечности"), тогда как его однофамилец способен смеяться (да и то хмуро и скучно) над кем угодно, кроме самого себя, — и оттого как раз и выглядит смешным со своими сверхамбициями и "грандиозными" замыслами.

И второе отличие — может быть, еще более резкое: по тонкости владения словом Венедикт Ерофеев далеко опережает не только своего "всемирно известного" однофамильца, но и многих подлинных мастеров, далеких от желания "пускать под откос русскую литературу".

И если прочесть не спеша его тоненькую, но весомую книжечку "Москва—Петушки" и задуматься над секретами ее изумительной стилистики и чувства слова, — получится не то что литературная школа, а целая академия или даже университет. Никаких литинститутов кончать не надо.

Вот что такое подлинная школа ума. И таланта, заметим.

Что же до школы чести, то на месте Викт. Ерофеева я постыдился бы подписываться именем гениального писателя, к несчастью своему, носившего ту же фамилию, что и он. И даже имя его начинается с той же буквы.

Допустим, Викт. Ерофеев сего не знает или просто Ваньку веляет, а сам втайне надеется: авось кто-нибудь перепутает его с великим однофамильцем и хоть ненароком, да посчитает большим писателем.

Но вы-то зачем изводите целую газетную полосу на саморекламные разглагольствования явного литературного пустоцвета, "нечаянно пригретого славой"?

Сергей СИВОКОНЬ.